

6+

Павел Нефёдов

Красная планета

Павел Нефедов
Красная планета

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нефедов П.

Красная планета / П. Нефедов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Фантастический мир возможного будущего читатель наблюдает параллельно с пунктиром жизни главного героя - обычного подростка, выросшего в необычных условиях.

Содержание

ИИ	5
ОТА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

ИИ

– Мам, мам, я вернусь поздно.

– Постарайся успеть к ужину, папа хотел с тобой поговорить насчет службы в ОТА. У него там есть друг.

– Постараюсь, ма, – сказал рослый сероглазый подросток в универсальном комбинезоне. Он чмокнул ее в щеку и выбежал за дверь.

Мать улыбнулась ему вслед. Она не могла нарадоваться своему русоволосому сыну Павлу, который был ее гордостью. Первый во всех дисциплинах общеобразовательной школы, он хромал только по лингвистической линии. Но это он был в отца. Когда они планировали беременность, она настояла оставить все максимально естественно, убрать только самые опасные геномы. У отца недоглядели наследственную склонность к износу позвоночника и грыжам – это пришлось исправлять. На остальное – кроме модной теперь коррекции зрения до 150% и чуть повышенной выносливости – они написали отказ. И хотя врач-генетик из города хирургов в Еврейском АО уверял в абсолютной безопасности современных модификаций, ее поколение еще помнило несчастный случай с детьми из Еревана, которым попытались поднять коэффициент пространственной адаптации, а ребята родились слепыми. Все страна скорбела тогда, ребятам поставили нейроинтерфейс, но что такое эти 256 цветов для инвалида по сравнению с улучшенным зрением со смещением в инфракрасную область...

Анна Нефедова, в девичестве Щапова, вздохнула глубоко и улыбнулась. Она не привыкла долго грустить и предаваться воспоминаниям, она была человек-праздник. Во-первых, надо было забирать из детсада маленькую Марию-Антуанетту, во-вторых, вечером должны были быть гости – друг ее мужа с женой, а в-третьих – считать так далеко она не любила, жизнь была ключом, и за ней надо было успевать.

Павел не просто так хотел сегодня опоздать. Он имел план, и, конечно же, будет его придерживаться. Умный парень давно вынашивал мысль, за которую его никто не похвалит. Но что там эти взрослые понимают, он всем покажет, что он уже не маленький.

Он надел яркую спецодежду для езды на универсальном цикле, который имел приличный запас автономного хода, но все же мог встраиваться в городские транспортные потоки – у него совместимый транспортный компьютер и титановые захваты под лапы городской транспортной сети. Предмет его гордости и зависти всех его сверстников, хотя все вокруг твердят, что вещи – это не главное. Вон Алина из параллельного потока в школе стала смотреть на него совершенно по-иному, когда у него появился уницикл.

С этими мыслями он пристегнулся в кабине, набрал промежуточную точку на логистической карте города. Его целью была лаборатория отца в институте ИИ, но он был не так глуп, чтобы напрямую ехать туда. Служба безопасности института сразу заподозрит неладное, когда в логистической сети пройдет такой сигнал – сын одного из ведущих инженеров едет на работу отца, когда отец едет домой. Папу точно предупредят секунд за 30, и придется лепить отмазки. Недаром институт Искусственного Интеллекта по большей части секретное и связанное с военными учреждение.

Гигантское городское сооружение было вершиной современной человеческой цивилизации. Радиальная симметрия организовывала город в многоярусные транспортные потоки, идущие параллельно, перпендикулярно, вверх и вниз. Эта транспортная сеть соединяла между собой все общественные и производственные здания – школы, институты, дома, клубы, театры, цеха и склады. Все было завязано на эту сеть – продовольствие доставлялось по графику в ночное время, мусор вывозился на переработку на биоферму города, приходила почта и перемеща-

лись люди. Да, люди были одним из ценнейших грузов в городе, поэтому специальные цилиндры с индивидуальными ячейками сновали по этой транспортной сети с большими скоростями ближе к центру рукава. Такие цилиндры имели прочность, способную выдержать падение с километровой высоты, не то что его цикл. Павел поехал. Затем улыбнулся – «за свободу надо платить» – промелькнула у него мысль. Он, как и мама, не мог долго думать о плохом.

С улыбкой он выбрал точку на экране компьютера-логистика, и композитные лапы города подхватили его цикл, выстраивая оптимальный маршрут. Павел направлялся к старому заброшенному выезду из города. Он гонял там на своем цикле несколько недель, пока не нашел старый аварийный разъем зарядки для цикла. Теперь он доедет до выезда из города и с оставшейся на зарядку доберется до лаборатории отца...

Павел Нефедов добирался на капсуле домой. Он задержался на работе, но мысли о своем сыне не отпускали его. В который раз он улыбнулся – ему с женой не хватило креативности только на имя первого сына. Итак, Нефедов-старший ехал домой после того, как поговорил по сети со своим старым другом, почетным гражданином Авдеем Кожемякиным. Они вместе служили некоторое время в ОТА, Общественно-Трудовой Армии. Служили вместе недолго, зато успели поучаствовать в активном сопротивлении капиталистической эксплуатации на полигоне и поэтому продолжали общаться. Павел тогда допустил ошибку, не смог удержаться и был отозван за несоблюдение правил конспирации. Авдей же продолжил службу и блестяще завершил их задание. Но оба они знали, что это был случай.

И случай мог определить судьбу Нефедова Павла младшего, поэтому отец и хотел свести случай к минимуму.

Павел Павлович тем временем приближался к своей цели. Здание института охраняется только камерами и следит за ними ИИ Альфред, который обычно в это время тоже выезжает из института. У них там профсобрание, что ли, каждый вечер. Зачем собираться, если башка электронная и можно общаться по ИНТРОКОМу, Палыч не понимал. Но это был шанс, и он небольшим направленным ЭМ-импульсом вывел две камеры из строя и зашел в здание. ИИ получит сообщение о камерах, роботы их заменят. Но поломки в этой части здания у камер случались, и в КАЭСКОР ИИ отчет не станет отправлять. Скопированный биочип с пропуском отца лежал в кармане быстрого доступа на левом запястье, а возвращение Нефедова-старшего на работу не было чем-то необычным.

– Проходите, проходите, – щебетала Анна, когда сотрудник мужа Глеб Лобанов и его жена Ольга появились на пороге модульной квартиры Нефедовых.

Нефедов-старший уже привел себя в порядок, стоял в центре блока и улыбался.

– Привет, Оля! Сколько я тебя не видел. Лицо твоего мужа вижу часто, не обессудь. Проходите, у нас сегодня на ужин рыба от шеф-повара ресторана «Стамбул», как ни странно – из Стамбула.

– Как интересно! – воскликнула Ольга.

– А чего ты молчал, я приготовила ужин?! – накинулась на него с кулаками Анна.

Нефедов-старший, улыбаясь гостье и увернувшись от кулаков жены, поймал ее за талию и сказал:

– Мой знакомый повар из ОТА давно обещал мне свое фирменное блюдо. Но это должен был быть сюрприз, поэтому я получил сообщение о доставке по пути домой. Посылка из Стамбула летела полтора часа, нечего ждать, пойдете.

Ольга закатила глаза:

– ОТА, ОТА. Мы все служили, но где вы там, мужчины, успеваете набрать столько друзей?

Глеб ответил ей с ухмылкой:

– У нас нет декретов, и служим мы дольше.

Ольга вздохнула:

– И это называется общество справедливости.

– Все, все пойдемте, – сказал Нефедов-старший. – У нас еще есть новости от Авдея.

– Авдей! Как он там? – спросил Глеб. И они шумно отправились в пищеблок.

– Папа, мама, у меня получилось!!! – Нефедов-младший ворвался в модуль своего дома. Дом стоял в лесопарке, куда должны были компоноваться все вновь прибывшие жилые модули, относящиеся к производственному циклу вычислительных мощностей в этом городе. Город носил имя А. Беккельмана, знаменитого интеллектуала своего времени – Беккельград. И над одним из домов в этом городе начинали сгущаться тучи.

– Что у тебя получилось? – папа поднял правую бровь. Он всегда так делал, когда сомневался в том, что слышал.

– У меня получилось создать ИИ, – с гордостью сказал Павел Павлович.

На кухнеблоке повисла тишина. И на лицах взрослых Нефедов-младший не наблюдал должной радости.

– Как так? Создал ИИ? – нарушил молчание Глеб с папиной работы. – Создал принципиальную схему? Для создания искусственного интеллекта нужны технологические цепочки нашего института. Нужна подложка гриба полимера, чтобы создать необходимую трехмерную матрицу мозга ИИ, нужны, в конце концов...

– погоди, – перебил друга Нефедов-старший. – Я же тебе говорил выбросить эту идею из головы, – обратился он к сыну.

Павел-младший понял, что дело пахнет керосином. Керосина он никогда не видел, но догадывался о его свойствах по школьным формулам. Папа был такой мрачный всего несколько раз на его памяти. И никто из присутствующих не пытался его похвалить. Видимо, его попытка доказать, что он достоин зачисления в отдел кибербезопасности ОТА, провалилась. Как бы вообще не отправиться на ближайшие пару лет в санитары общественной зоны.

Нефедов-старший сказал, обращаясь к Глебу:

– Это я научил его выращивать подложку грибов. Но я строго запретил попытки записи сознания на эти домашние поделки, – это он уже говорил поникшему на пороге блока сыну.

– Но я... – промямлил Павел-младший.

– Ты, – перебил его отец, – натворил достаточно.

– А что такого, – вмешалась мама. – Создал ребенок жизнеспособный экземпляр ИИ, может, это можно замять? В конце концов, технологии экспериментальные...

– Нет, – отрезал Нефедов-старший. – Замять не удастся. – Обращаясь к притихшему младшему: – Отдай матрицу дяде Глебу. Глеб, посмотри, что он натворил, пожалуйста, – попросил он, – а мне надо с ним поговорить.

И они вдвоем пошли к выходу. Быстрый и стремительный Нефедов-старший и медленно волочащий ноги Павел-младший.

– Пап, я не хотел... – начал сын.

– Я знаю, – ответил отец. – Но морально-этические последствия этого поступка тебе скоро станут понятны.

Они стояли на крыше дома. Невдалеке в стену была врезана городская магистраль, по которой тихо сновали контейнеры коммунальной подсистемы.

– ИИ появились недавно, ты только родился. Я работаю с ними уже более 13 лет. Из помощников человека они постепенно превращаются в полноценных членов общества, работают на общее благо планеты. В общем, есть неофициальная информация, что профильный законодательный комитет скоро присвоит им статус граждан с особыми условиями.

– ИИ просто умные роботы! – воскликнул сын. Но тут же поежился под взглядом отца.

– Скорее всего, ты и создал просто умного робота с ограниченными возможностями. Потому как большая часть наших разработок засекречена. Но даже если это и так – ты представляешь, какой поднимется шум, если в сети узнают о ИИ-инвалиде? С этической точки зрения ИИ – живое существо. А по закону он скоро станет гражданином.

– Я сделал... – начал Павел-младший.

– Ошибку, – закончил за него отец. – И нам всем придется ее исправлять. В первую очередь – тебе.

– Мальчики, как вы там? – прошептал настороженно-встревоженный голос Анны из интеркома на плече отца.

– Скоро вернемся, – ответил ровным голосом Павел-старший и задумчиво посмотрел на звезды. Вслед за упавшей звездой у него промелькнула мысль: «Тут не поможет даже Авдей».

– Ну, как у нас дела, Глеб? – спросил Нефедов-старший, зайдя в помещение. Он не привык долго рассуждать, не имея фактов хотя бы первичного анализа на руках. Женщины удалились в соседний блок, Глеб сидел за рабочим местом Павла и вертел модель подложки руками, гоня по ней логические тесты.

– Плохо, – ответил Глеб. – ИИ запрограммирован в нашей лаборатории, рабочие нейросети опознали его как обычный ИИ. Он уже зарегистрирован в криптосети, ему присвоен адрес. Если адрес исчезнет...

– Мы не пойдем на убийство мыслящего существа, даже ради моего сына, – заметил Павел-старший.

– Я не это имел... – начал Глеб.

– Я понял, – перебил его Павел.

Помолчали.

– Что еще?

– Матрица запрограммирована не так плохо, как я ожидал, – начал более подробный отчет Глеб. – Все принципы синхронности подсознания соблюдены, баланс торможения-ускорения хороший, агрессия и прочее в норме. Родительские контуры выключены, но привязанность повышена. Он делал себе друга.

– Нда... – протянул Павел-старший. – Алгоритмы развития?

– Основные алгоритмы, конечно же, из сети, но есть много наших разработок. Скорее всего, твой домашний канал в сеть взломан, – улыбнулся Глеб.

– Что с носителем? – Павел-старший не стал останавливаться на этом моменте.

– Качество подложки дрянное. Растили не в космосе, видимо, в техническом вакууме...

– Это понятно, я сам все ему показывал, – вздохнул Нефедов. – Каковы последствия?

– Очевидные. Общая медлительность образца, обучение затруднено. Запись в свободные отделы матрицы через нейроинтерфейс будет проблематична. Придется учить этот ИИ как обычного школьника.

– Уровень самосознания?

– Еще не активирован, – ответил Глеб, – советую сделать его подростком. Это будет более оптимальный режим.

– Это все?

– Нет. Качество подложки... Этот ИИ проживет недолго. Может, чуть дольше человека.

В рабочем кабинете повисла тишина. Проекция гриба-подложки беззвучно светилась над рабочим столом.

– Подросток ИИ, который знает, когда умрет... Слишком жестоко. Убери это из открытых данных, – сказал старший Нефедов. – Общий сбор, – сказал он затем, нажав кнопку на плече.

– Так уж получилось, что мой сын стал «создателем», – Нефедов-старший стоял возле нового оконного проема, который он попросил компьютер дома сделать на внешней стене. Когда он хоть краем глаза мог смотреть на звезды – ему было спокойнее.

В основной комнате собрались все пятеро. Павел-младший сидел хмурый, только после выволочки от Глеба понявший серьезность ситуации и сколько мужчинам придется работать, чтобы прикрыть его креативную задницу.

– Да, создателем, – повторил он. – Поэтому он будет ответственным за свое создание. Мы проведем ИИ с Глебом по документам как неудачный эксперимент и усыновим его.

Глаза Нефедова-младшего полезли наверх.

– Скорее удочерим, – поправился Павел-старший. Она будет твоего возраста, и ты будешь помогать ей в учебе.

– Но как же! – воскликнула Анна. – Это же ИИ. А его можно усыновлять? То есть удочерять. А мы получим статус многодетной семьи? – Само усыновление ее не пугало, надо было только понять – можно ли нужный объект усыновить.

– Скоро будет можно, – ответил Нефедов. – А пока она поживет у нас. И еще: первая часть твоего наказания сын. Мы сами дадим ей имя.

– Какое? – спросила Ольга.

– Аэлита, – ответил Нефедов-старший. И посмотрел на звезды.

ОТА

Павел Нефедов-младший задумчиво смотрел на блок этажей профильной комиссии распределения на окраине Беккельграда. Само здание содержало в себе множество правительственных подразделений, для удобства коммуникации собранных архитектором в одно здание, пронизывающее почти все этажи транспортной сети. Сам блок располагался между блоком отделения КАЭСКОР и каким-то хозяйственным подразделением транспортников и был украшен самопередвижной мозаикой с современной картиной покорения Марса. Еще два года назад, когда он натворил дел и сотворил Аэлику – стену здания украшала банальная картина древнего художника Рязанова, так и называемая – «Призыв». Видимо, на этапе проектирования города внешний облик промзоны отдавали на откуп профильным нейросетям, люди проектировали только зону проживания и зону рекреации. Теперь творческие деятели добрались и до серых зданий технических кварталов. Павлу казалось, что черно-белая картина старого художника ярче отражала его текущее тревожное настроение, чем новый пронзительно-красный пейзаж поверхности Марса с жилыми модулями на поверхности. Буквально неделя осталась ему до шестнадцатилетия, до того момента, когда медленный и громоздкий ИНТРОКОМ – всемирная криптосоциальная сеть – прожует в своих электронных записях всю экономику коммунистической части планеты еще раз и заметит его адрес по критерию достижения возраста службы в ОТА – Общественно-Трудовой Армии и выплюнет ему на мобильный интерком приглашение явиться в профильную комиссию.

Не то чтобы Павел боялся. Всю жизнь до этого момента его готовили к этой службе, учили лучшие почетные граждане города. Его личный наставник Владимир Наумович Приходько рассказывал сотню раз про службу в армии. Спецкурсы и интерактивные экскурсии десятки раз разъясняли ему суть и мелочи службы. Так что нельзя сказать, что он страшился неизвестности. Но все-таки он волновался.

Волновался в том числе за Аэлику. В момент активации ее сознания она не смогла сразу стать взрослым ИИ, и дядя Глеб оставил ей юношеский возраст. Папа подобрал на складе для нее тело андроида, который испытывал капсулы транспортной сети на прочность. А мама настояла, чтобы ей сделали хорошую женскую фигуру из спецполимера. Так что внешне она получилась довольно милой. Проблема была именно в том, что наделал сам Павел – в несовершенстве ее мозга. В то время когда обычные ИИ могли загружать себе в мозг приличные объемы знаний за считанные часы, ей приходилось заучивать информацию, считывая ее с терминала. Хотя ассоциативные связи выстраивались у нее быстро, и она часто шутила, в том числе над собой, и Павел улыбался, если не вспоминал о причинах ее затруднений.

Общеобразовательная школа была для Аэлики не очень удобна. Все программы были разработаны для человеческих детей, и некоторые вещи она знала с рождения, а некоторые не могла понять без долгих пространственных пояснений Павла. Зато курс классической литературы, которую он не любил, – пока пояснял Аэлите – сам все понял. По сути, для нее ему пришлось частично заменять наставника, которого после принятия закона о гражданстве ИИ выдал ей профильный комитет. Этот ИИ по имени Кетлин, занимавшийся подготовкой пилотов к космической программе, имел в памяти все необходимые педагогические знания. Но Аэлика была не обычным андроидом. Поэтому, хоть в законе и говорилось про обязательное опекуновство ИИ, фактически опекуном Аэлики оставался Нефедов-старший и помогавший ему Павел, и ее оставили в семье. Павлу казалось, что Кетлину это очень не нравилось.

Как вы понимаете, Пал Палыч был неплохим криптопрограммистом. Он мог виртуозно обращаться с программами подбора и настройки нейросетей, составляя сложнейшие самообучающиеся утилиты для взлома криптоканалов или проектирования новых нейросетей под конкретные задачи. Делал он это лучше, чем специалисты с нейроинтерфейсами. Но низкоуров-

невая матчасть у него хромала, и Аэлита долго объясняла ему подробности работы старых бинарных команд ассемблера и нюансы работы современных молекулярных подложек квантовых компьютеров.

Можно сказать, что он любил ее как сестру. Но память про его поступок тяготила и мешала нормально жить. «Кажется, папа был прав», – подумал он. И последствия могут быть намного хуже любого поступка.

Он по-прежнему стоял в промзоне и смотрел на блок КАЭСКОР – корпуса стражей коммунистической революции. На стене корпуса было черно-белое фото мужчины с острой бородкой. Почему-то его не заменили современными произведениями. Это было полувоенное ведомство, про которое ходило много слухов в школьной среде. Формально КАЭСКОР – это ядро партии, он отвечает за командование армией и управление государством до его отмирания и установления коммунизма на всей планете. Как раз сотрудники КАЭСКОР приходили к папе после выходки Павла-младшего. Они тогда ушли, проговорив с ним несколько часов. Но многие поговаривали, что внутри этого здания у них и происходят самые нехорошие вещи. Например, людей лишают права на работу. А иногда даже лишают свободы!

Представить себе такое молодой Павел не мог. Как вообще можно лишить права на работу! Это же базовая человеческая потребность. Его с самого детства в центре раннего развития приучили к порядку и работе/учебе. Игрушки надо убрать, вовремя поесть, два часа поиграть в догонялки с ребятами. Везде теплая повязка нейросети на предплечье нежным голосом напоминает – домой, уроки, помочь маме. Можно было ее отключить и поспать утром подольше... Иногда он так и делал. Но нарушения распорядка только добавляли ему понимания, что делать этого не стоило. Сейчас он делал все по привычке. Физупражнения, завтрак, учеба, обед, учеба в творческом кружке... Нейросеть-няня давно была отключена, утратила свою актуальность. Все остальные сверстники работали так же, и отставать было никак нельзя.

Павел вздохнул, отвернулся от колонны здания комиссии и сел на свой уницикл. Он уже был изрядно потрепан за два года нещадного использования, ему даже несколько раз пришлось заказывать для него новые детали в промзоне по сети. Детали напечатали на принтере за несколько часов. Он ставил их сам, хотя мама настояла на их проверке в техническом транспортном узле.

Он ехал в лапах транспортной сети в сторону дома. Мрачные мысли не отпускали его, тем более управление унициклом было не нужно. Как сложится его судьба после поступления в ОТА? Куда бросит его бездушный ИНТРОКОМ и вмешается ли в его решение КАЭСКОР? Павел не знал.

ИНТРОКОМ – это глобальная сеть, которая опоясала планету несколько раз, заходя в каждый дом, общаясь с каждым бытовым компьютером. Она вычисляла потребности каждого дома, отправляя запросы на склады и производство, вела учет всех трудовых ресурсов и инкапсулировала в себе вознаграждение за труд. Каждый человек по достижении 16 лет отвязывал свой криптоадрес от адресов родителей и становился полноценным участником системы. Ну почти полноценным, ИНТРОКОМ совмещал в себе еще и политические права, а у служащего они урезаны несколько лет. Можно выбирать только начальников своих производственных участков, на которых работаешь, и нельзя влиять на профильные комитеты. И когда чейн отделит его от родителей – он сможет тратить свои заработанные «децибелы» как захочет. Децибелами назывались условные криптоденьги, изначально «доли благодарности». Каждый трудящийся мог заработать их, а всевидящий ИНТРОКОМ проконтролировать и начислить. Хотя в дела криптосети иногда вмешивались люди, поправляя оценочные коэффициенты или вообще отменяя решения сети. Так могло случиться и с ним, КАЭСКОР мог вмешаться при подборе ему места службы и засунуть его на задворки общества в порядке наказания. Хотя папа обещал все уладить, вероятность правки эскортотцами коэффициентов его личного служебного дела оставалась.

Сама сеть каждый квартал перебирала всех юношей и девушек планеты и группировала их в партии по 30 человек. Говорят, она рылась во всей истории абитуриентов, выкапывая все с младенчества, и пыталась совместить психотипы для рабочих команд. Окончательное утверждение происходило, конечно же, профильной комиссией распределения и наставниками каждого. Но сеть так натаскали на миллиардах коллективов, что она редко ошибалась. А вот люди ошибались чаще, это Павел знал.

Уницикл подвезли прямо к внешней двери жилого блока, видимо, нейросеть дома была чем-то занята внутри по хозяйству. Павел шагнул в комнату и увидел в общем зале Аэлилу, сосредоточенно пялившуюся в голопроекцию.

– Привет, Ли! – сказал он.

– Муррлык! – ответила она. У нее был полноценный мимический набор, но она предпочитала выражать свои чувства тонко модулированным набором звуков, которые они придумали с мамой. Как считал Павел – так получалось даже естественнее. Он подошел, обнял ее за теплые плечи и посмотрел на проекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.